

Валерий Ухандеев

г. Полысаево



Электронасыщенная бледность светодиодной кожи
сползает с окон уставшего дома.
«Москвич» старческим двуперстием автомобильных фар
благославляет мое околооконное призвание.
На стенах комнаты холодная просветленность
безвозвратности.
Будильник начинает изучать с азов
прошлое завтрашнего дня.
Это расзыбчатое переступление через зациферблатную
Бездонность внезавтрешего доперехода
к извечности моего всебытия.

Время это инстинкт самосохранения
предела.

Молчание открывает закат,
С красной строки тишины
Я самый благодарный слушатель
Будильника рифмующего время.

На дне вечернего вчера
День заоконного высокомерия,
Прощание как ферро-сплав
Течет по солнечной артерии.
И здесь по поводу стихотворения
Расцелован химический карандаш.
Меркнет помарками тень рождения
Бессмертия в белой рубашке.
За краснотрочием ночи
Снеголуние настанет,
Озеркалятся на застольной обочине
Полюса всех истин в стакане.
Прочитаю судьбу незнания
По ладони окна.
Отрицательно машет мне маятник
Из настенного пятна.

Сон под властью царь-снега
Циферблат прячет узел дорог
И будильник купюрами мелкими
Предлагает мне прошлое в долг.

Стол луны заочно одолжен
И хлеб времени сон
В черновик как в ладошку
Опускается стихотворно.

Доисконное небо звезд избы
Как архаику бездны хранит,
После той самой первой жизни
Здесь остались снега и сны.

Здесь осталось воспоминание
И ресницы снежинок штрих
На портрете оконной рамы
Провели по сонной артерии.

Здесь луна ответвление снега
Снег здесь искренней сна
И заря в заоконном некогда
Самая мелкая ассигнация.

Зерно прощания
Ждет часа своего.
Под льдом зернистой зеркальности.
Где отражение твое
Стало мозаикой фотонов.
И жажда памяти гонит мой взгляд,
В молитвенную неотвратимость.
Я направляю зеркало
В застегнутую на все звезды
Бездну
След в след тебе.

Оборваны следы
Как будто сломан позвоночник снега,
Последние из темноты
Той отрицательной нездешней.

Под легкокрылостью обрыва
Грядущее обставленное сном,
Метель как прошлого загрибок,
Оконной рамы ледяной излом.

Бесследная исснеженность созреет
Как детский почерк тишины.
Настенный циркуль посох уравнения
С бессмертным неизвестным.

Снег снизошел до самого простого
Упоминания об этом дне.
Я в аксиому неба запрокинул голову
Устроившись на подоконнике.

И может быть к снегораспаду тянет
Строка проросшая сквозь лед.
Окно как лунотканное одеяло
Укрыло все что не произойдет.

Я уеду на попутке
Туда куда уходят почерка наклон,
Меня проводят близорукие
Боярышник и клен.

А на обочине дороги
Качнется сам не свой,
Одуванчик продрогший
С непокрытой головой.

И мысль уже не станет ложью
И станет явью слово навсегда.
И кто-то скажет невозможно
Ответить на вопрос: «Когда?»

Здесь в октябре
Снега на всхожесть
Проверяет зима.

Настенный дворик
Сметает в костер заката
Опавшие мгновения дня.

Поземка – скошенный проснеженный
ветер.

Переулок – пустой рукав улицы.

Снегософия сентиментального окна.
Праздноноябрьский вечер,
Словно к грядущему
Осенний снег к стеклу
Прижался доверчиво.

Под беловосточный ветер,
Снеголетие наступило.
Заползли под автомобили
Теплокровные чугунные черепахи.

Молчание запоминает мои мысли.
Облака как развалины неба
Закат взвалил на свое плечо.

Стрелки будильника вскладчину
Вот уже целый час
Тишину для меня сколачивают.
Пока мой взгляд
На вершине полпятого скучает,
Я слушаю как будильник листает
«Теоретические основы прошлого»,
Прекрасно зная
Что на практике
Все не так.

Над облаками
Словно поверх голов
Передового отряда грозового фронта
Простерт багрово-вызолоченный покров
Неизбежности.